

Польские заметки

Александр Зорин

Иностранцу свойственно подмечать то, что он хотел бы видеть у себя на родине.

Поражает приветливость поляков: в транспорте, в магазинной толчее, в лесу... Да, и в лесу. Я прожил этот ноябрь в Изабелине, местечке, окруженном лесами. По воскресеньям на лесных дорожках встречаются велосипедисты, бегуны, а то и ходуны с лыжными палками — модный вид спорта. «День добрый» — слышится отовсюду. Варшава в 20 километрах, и горожане не упускают возможность подышать озоном Мазовецкой пуши. Мне казалось, что даже лоси, не пугаясь моего чужеземного происхождения, глядят приветливо. А вот кабаны — нет. Рыхлит мордой землю черный поросенок, хрустит попавшими на зубок грибами, а как заметит тебя, шарахается в сторону и — деру. Людям грибы собирать запрещено. Так же, как убирать рухнувшие деревья или вырубать молодняк. Специальная правительственная программа предписывает: пусть природа поживет без вмешательства человека. Пусть сама удерживает экологический баланс хотя бы в пределах заповедника...

Густой листопад осыпает безымянную могилу в глубине леса. Каждый день кто-то сметает листья и зажигает толстые восковые лампы у подножия креста. На кресте табличка «Повстанцам 1863 года». Отец Мирослав, настоятель францисканского монастыря «Семья Марии», говорит, что это, может быть, не настоящая могила, а символическая. Памятник. Никто не будет делать раскоп в этом месте, а документов, увы, не сохранилось... Известно, что в этих лесах шли жаркие бои последнего польского восстания в XIX веке. В глубь России были высланы десятки тысяч повстанцев и помогавших им семей мелкой шляхты. Это к тем, девяноста тысячам семей, высланных после восстания 1831 г. Вспоминаются многие польские фамилии, укоренившиеся в русской культуре.

Да и в городе тоже не шарахаются от русского языка. Я как-то в супермаркете обратился к соседу по-русски. «Я когда-то помню русски, — ответил мне пожилой господин, — dzisiaj zapomniałem (сегодня забыл)». Но охотно объяснился по-английски, помог найти в концентратах Barszcz czerwony, свекольник. Вкуснейший, между прочим, продукт — с российским концентратом не сравним.

Эльжбета Янус, профессор Варшавского университета, лингвист, говорит, что в 1990 г., как только Польша высвободилась из объятий Старшего Брата, русский язык отпал сам по себе. Молодежь от него как током отшибло. А сейчас потихоньку реабилитируется, несмотря на политические трения в верхах. Культура многое ставит на свое место. Отделение русистов в Варшавском университете снова полное.

В метро дежурный голос не напоминает пассажирам, что нужно уступать места пожилым людям и беременным женщинам. Элементарная воспитанность срабатывает без подсказки. И еще пикантная подробность в мире метро: на каждой станции бесплатные туалеты. Забота о человеке учитывает все неожиданности, вплоть до лифта, который может понадобиться колясочникам, не способным подняться по эскалатору. Я уж не говорю о бесплатном проезде на общественном транспорте не только пожилых соотечественников, но и иностранцев, включая загородные маршруты. Словом, живя в Польше, о России не забываешь.

Верующие люди считают, что Церковь (Костел) в чем-то потеряла свой авторитет, в сравнении с советским временем. Например, в микрорайоне с населением в пятнадцать тысяч человек на воскресную мессу ходят менее полутора тысяч. Раньше приходило значительно больше. При коммунистах Церковь была скрытым стержнем сопротивления. Сейчас вроде бы сопротивляться некому... Внешние преграды к полноценной жизни рухнули. Но...

остались внутренние, не менее, а может быть, и более коварные. Так или иначе, но за последние годы из Польши эмигрировало около четырех миллионов человек, в основном молодежь.

Церковь реагирует на болезненные социальные симптомы. Она ввела особые дни и ночи для исповеди. Священник неотлучно, с перерывом на обед, находится в храме с утра до ночи. По интернету можно узнать, где какой священник исповедует, в какие часы. В Старом городе, в храме Св. Креста, на Краковском Предместье, на Медовой улице... Популярны доминиканцы — к ним очереди, много молодежи. И особенно много молодых людей в ночь покаяния. В студенческом храме св. Анны при Университете очередь не убывает до утра. Новый обычай прижился и в других городах: в Гнезно, в Познани, в Кракове...

Польша — европейская страна. Масс-медиа обсуждают все проблемы, все религиозные или общественные недуги. После советской эпохи их осталось немало. Но открытость раны, доступность к ней свежего воздуха способствует исцелению...

В прошлом году осенью вышел фильм Владислава Пасиковского и Дариуша Яблонского «Последствия». В основу фильма взята книга Яна Гросса «Соседи». Сюжет — неизжитая трагедия. В местечке Едвабне, что находится в восьмидесяти пяти милях от Варшавы,

10 июля 1941 г. польские жители собственноручно уничтожили половину населения — своих соседей-евреев. Убийцы во главе с мэром были правоверными католиками. Убили для того, чтобы захватить их земли, дома, имущество. Злодеяние, конечно же, не могло быть абсолютно сокрытым. Оно напоминало о себе, как дышащая земля (шевелилась несколько дней) над недострелянными жертвами в Бабьем Яру или в Катыни. О нем многие знали и... молчали. Но рано или поздно скрытое становится явным. Наступает кризис, ломка общественного сознания. Или оно переборет болезнь в свете правды, или загонит ее глубже...

Антисемиты всячески грозят создателям фильма и актеру — главному герою, заступнику евреев. Им возражают трезвые голоса, видящие проблему в общечеловеческом масштабе. Ненависть, зависть, мстительность и прочие пороки не замыкаются в национальном характере. Трагедия Холокоста не изжита во многих европейских странах. Знаменательно то, что в Польше эта трагедия обсуждается. Что она открыта, что язва, можно

надеяться, не перейдет в гангренозную стадию.

И вот другой пример. Ирена Сендлер, польская немка, умерла недавно в возрасте 98 лет. Она спасла из Варшавского гетто более двух с половиной тысяч еврейских детей. Она устроилась туда сантехником-сварщиком. И вывозила детишек в своем грузовичке. На дне сумки для инструментов — малышек, в мешке — детей постарше. В кузове держала собаку и натакала ее лаять, когда охрана впускала и выпускала машину. Немцы все-таки засекли ее. Но не знали, сколько детей она вывезла. Не убили. Но искалечили, перебив руки и ноги. Она вела детям счет, список хранила в стеклянной банке, закопанной у себя во дворе. Надеялась, что после войны родители найдут спасенных детей. Увы... Но ведь отзывались тысячи семей, приютивших этих детишек. И детские дома, куда она тоже обращалась... Некоторые из спасенных живы сегодня.

11 ноября — День независимости. Парад на площади, где в 1978 г. выступил папа Иоанн Павел II. Это был ощутимый духовный импульс, считают поляки, к возникновению «Солидарности»^[1].

Я возвращаюсь в Изабелин и вижу, как по деревенской улочке на велосипеде в сторону магазина едет монашенка, сестра Елена. Едет или летит? Полы ее темно-синего хабита вздымаются, как крылья. Впереди металлическая корзинка для продуктов. Но велосипед в монастыре — не только хозяйственный транспорт, но и прогулочный. В сарае велосипеды стоят внушительным табунком.

А во дворе монастыря кипит работа, сестры собирают листья в целлофановые мешки. Если плотно набивать, мешки получаются тяжелые. Сестры знают, что я вернусь к вечеру и перенесу мешки за ограду, откуда утром их заберет машина. Водитель отсчитает равное количество пустых мешков взамен наполненных, и рулон укрепит на калитке.

^[1] «Солидарность» — массовое социальное движение антикоммунистической направленности, созданное в 1980 г., и осуществившее мирную революцию в 1989–90 гг.